

Е. А. БОРАТЫНСКИЙ

Баратынский родился в 1800 году*, то есть в один год с Пушкиным¹, оба были ровесники веку. От природы получил он необыкновенные способности: сердце глубоко чувствительное, душу, исполненную незасыпающей любви к прекрасному, ум светлый, обширный и вместе тонкий, так сказать, до микроскопической проницательности и особенно внимательный к предметам возвышенным и поэтическим, к вопросам глубокомысленным, к движениям внутренней жизни, к тем мыслям, которые согревают сердце, проясняя разум, — к тем музыкальным мыслям, в которых голос сердца и голос разума сливается созвучно в одно задумчивое размышление. В первом детстве получил он самое тщательное воспитание; оно много помогло впоследствии развитию его необыкновенно утонченного вкуса. Но молодость его была несчастлива. В далекой Финляндии, посреди дикой и мрачной природы, в разлуке с родными и близкими ему людьми, с неодолимою тоскою по родине, вдали от тех, кто мог бы понять его и утешить сочувствием, печально и одиноко провел он лучшие годы своей юности². Это обстоятельство, вероятно, содействовало к тому, что его самые светлые мысли и даже в самое счастливое время его жизни остались навсегда проникнуты тихой, но неотразимой грустью. Впрочем, может быть, он и от природы уже был склонен к этому направлению мысли, которое очень часто замечается в людях, соединяющих глубокий ум с глубокою чувствительностью. Оно происходит, вероятно, оттого, что такие люди смотрят на жизнь не шутя, разумеют ее высокую тайну, понимают важность своего назначения и вместе неотступно чувствуют бедность земного бытия. Оттого они даже в кругу забав и шумных удовольствий часто кажутся печальными; оттого самое чувство радости для них бывает соединено с непреодолимою задумчивостью и скорее похоже на грусть, чем на веселость обыкновенных людей.

Но между тем из Финляндии Баратынский мог иногда приезжать в Петербург, где в то время только явился первый выпуск учеников Царскосельского лицея — юношей, почти детей, связанных узами благородной дружбы, основанной на одинаковом воспитании, на общей, им внушенной любви к великому, к прекрасному, к просвещению, к наукам, к искусству, дружбы, особенно крепкой внутренним согласием их нравственных понятий. В числе их был молодой Пушкин, Дельвиг и весьма многие юноши, богатые талантами, или замечательные умом, или сильные характером, различными способностями, но все проникнутые нетерпеливою жаждою деятельности, живым стремлением к значительным целям жизни. Впоследствии не все развились одинаково; различные обстоятельства развели их в различные стороны; некоторые могли уклониться от первого направления, впасть на некоторое время в крайность или заблуждение; другие счастливо совершили поприще свое; но в то время их общее дружеское сочувствие пробудило в каждом из них все лучшие способности души, так что из их значительного круга или от живого соприкосновения с ними вышли почти все замечательные люди того времени. С ними сошелся и Баратынский, и в их живительном обществе загорелась в душе его первая искра его поэтического таланта, уже приготовленного его прежнею жизнью. Так в хорошем, равно как и в дурном, сочувствие окружающих нас людей вызывает из сердца те стремления, которые без того, может быть, никогда не родились бы на свет. Общее мнение скоро соединило имя Баратынского с именами Пушкина и Дельвига, в то же время как внутреннее сродство сердечных пристрастий связало их самую искреннюю дружбою, цело сохранившеюся до конца жизни всех трех.

* В селе Мара Тамбовской губернии Кирсановского уезда, 29 июня.

Баратынский скончался в прошедшем году в Италии, которую он особенно любил в своих далеких мечтаниях, — в кругу своего семейства, где он нашел то душевное счастье, которое было главнейшею потребностью его любящего сердца. «Сладко проходит здесь жизнь наша», — писал он в последнем письме из Неаполя к своему брату³.

Стихи Баратынского отличаются теми же качествами, какие составляли особенность его поэтической личности: утонченность наружной отделки всегда скрывает в них сердечную мысль, глубоко и заботливо обдуманную. Но между тем сколько ни замечательно их поэтическое достоинство, однако они еще не вполне высказывают тот мир изящного, который он носил в глубине души своей. Рожденный для искреннего круга семьи и друзей, необыкновенно чувствительный к сочувствию людей ему близких, Баратынский охотно и глубоко высказывался в таких дружеских беседах и тем заглушал в себе иногда потребность выразиться для публики. Излив свою душевную мысль в дружеском разговоре, живом, разнообразном, невыразимо-увлекательном, согретом теплотою чувства, проникнутом изяществом вкуса, умною, всегда уместною шуткою, дальновидностью тонких замечаний, поразительной оригинальностью мыслей и особенно поэзией внутренней жизни, Баратынский часто довольствовался живым сочувствием своего близкого круга, менее заботясь о возможных далеких читателях. Оттого для тех, кто имел счастье его знать, прекрасные звуки его стихов являются еще многозначительнее, как отголоски его внутренней жизни. Но для других, чтобы понять всю красоту его созданий, надобно прежде вдуматься в совокупный смысл его отдельных стихотворений, вслушаться в общую гармонию его задумчивой поэзии.

ПРИМЕЧАНИЯ

Опубликовано в «Библиотеке для воспитания», М., 1845, ч. 3, .с. I—VI. Подпись: *И. К.*

¹ Это неточно. Е. А. Баратынский родился 19 февраля (2 марта) 1800г. А. С. Пушкин родился 26 мая (6 июня) 1799 г.

² Исключенный в 1816 г. из петербургского Пажеского корпуса за проступок (участие в краже), Баратынский в 1819 г. был зачислен в полк и в следующем году переведен в Финляндию, где пробыл около пяти лет.

³ В письме к Н. В. Путяте от второй половины июня 1844 г. Баратынский писал: «Мы ведем в Неаполе самую сладкую жизнь» (Баратынский, с. 539). Н. В. Путята не был братом Баратынского; он был женат на свояченице поэта — С. Л. Энгельгардт.

(Печатается по „И.В.Киреевский. Критика и эстетика“, Москва, 1998, стр. 252-254, 452)

[ВВЕДЕНИЕ К БИБЛИОГРАФИИ]

<...>Место, принадлежавшее Баратынскому в нашей словесности, навсегда останется незанятым, и, может быть, еще долго неоцененным. Ибо даже после известия о его кончине журналы наши произнесли ему такой приговор, из которого ясно видно, что еще не пришло время отдать полную справедливость его поэзии. Один «Современник» был в этом случае, как и во многих других, благородным исключением из общего настроения умов. Прекрасная, умная, исполненная глубоким сочувствием и вместе справедливая, дружески-теплая и вместе просвещенно-беспристрастная статья¹, помещенная в нем о Баратынском, доказывает по крайней мере, что тот избранный кружок, для которого существует этот журнал, ценил его и его поэзию.

Мы не распространяемся здесь о поэзии Баратынского. Мы надеемся в одном из ближайших №№ «Москвитянина» доставить себе наслаждение высказать вполне наше мнение и о его созданиях. Теперь же упомянули мы о нем только потому, что говорили о наших утратах.

Вскоре за Баратынским словесность наша лишилась еще другого поэта. И. А. Крылов скончался на 77-м году от рождения, и если мы сообразим два тома его басен с тем временем, в которое он начал писать, то вопреки общему мнению скажем и про него то же, что про Баратынского: что как ни много сделал он для словесности нашей, но сделал весьма мало в сравнении с тем, что подобный ему талант мог бы совершить во всякой другой литературе.<...>

ПРИМЕЧАНИЯ

Опубликовано в «Москвитянин», 1845, ч. 1, № 1, отд. «Библиография», с. 1-5.
Подпись: К.

Настоящая работа представляет собой вступительную заметку к библиографическому отделу журнала.

¹ Статья «Евгений Абрамович Баратынский», посвященная памяти поэта, была написана П. Плетневым и опубликована без указания авторства («Современник», 1844, т. 35, с. 298-329). Почти одновременно вышло отдельное издание: <Плетнев П. А.> Евгений Абрамович Баратынский. Спб., 1844. Впоследствии статья вошла в книгу: Сочинения и переписка П. А. Плетнева, т. 1. Спб., 1885, с. 547-572.

(Печатается по „И.В.Киреевский. Критика и эстетика“, Москва, 1998, стр. 227, 449-450)